

Ксавье Мармье

Записки о России, Финляндии и Польше (1843), отрывки

Самая длинная и оживленная улица в Санкт-Петербурге – великолепный Невский проспект. Он берет начало от Адмиралтейства, идет по Аничкову мосту и уходит далее. Это – Итальянский бульвар, Риджент-стрит северной столицы, средоточие роскоши, сердце кипучей жизни. Именно здесь яснее всего заметны многогранность и разноликость этого города, куда более европейского, нежели русского: тут и разноцветные вывески на всевозможных языках, тут и французские, немецкие, английские книжные магазины, и пять церквей разных конфессий, и особняки важных господ, и роскошные магазины парижской моды; рядом с тульским ювелиром – берлинский портной; напротив лавки торговца кожами из Астрахани – витрина с Севрским и русским фарфором; по соседству с дорогим Английским магазином, что платит за наем 50000 рублей в год – прилавок русского конфетчика. Как и должно настоящему проспекту, улица идет совершенно прямо. Вся она превосходно замощена торцами, а вдоль мостовой устроены широкие тротуары. На Невском проспекте располагается громадное здание Гостиного Двора, настоящего города магазинов и лавок, где торгуют и разнообразнейшей снедью с севера и востока, и всевозможными товарами с разных концов России и из-за границы. Здесь теснятся торговцы и разного рода бездельники, ушлые плуты и бдительные покупщики, иудеи и крестьяне, разночинцы и солдаты. [.....]

Вот перед вами денди, он гладко выбрит и надушен, а кашемировый жилет сидит на нем, как влитой, и тут же неподалеку – мужик в широком кафтане с длинной бородой, он с гордостью носит старинный наряд и чтит обычаи предков. Вот магометанин с гордо поднятой головой проходит мимо церкви, перед которой русский, между тем, трижды кланяется и осеняет себя крестным знамением; вот прихожанин армянской церкви, а навстречу ему идет католик; вот нагруженная телега финского крестьянина тяжело тащится вслед за польской кибиткой. А вот какой-то фельдъегерь в сером пальто и в шляпе с султаном из белых перьев пустил своего коня галопом, одному Богу известно, в какой далекий уезд. [.....]

Что до полиции, то как же мне описать всю ее прелесть и очарование? Она – воплощение прекрасных манер и учтивости. Она обворожительна, словно молодая девушка, она медоточива, как слагатель мадригалов; она носит одеяние зеленого цвета – цвета надежды, а ее воротничок – цвета небесной лазури. Под золотым шитьем и атласными лентами я всегда ожидал

заметить острие алебарды, но, с какой бы стороны я не смотрел, обнаруживал только бархатный взгляд и любезную улыбку. К примеру, есть в канцелярии господина графа ... один управляющий, ответственный за прием иностранцев, так тот как по писаному говорит, комплименты плетет, что Мольеров Вадиус, а в потоках лести прячет насмешку. Как его послушать, так ничто его не радует более, чем приезд французов в Россию, и ему хочется, чтобы они оставались здесь подольше; его-де интересуют их наблюдения, он-де в восторге от рассказов об их путешествиях. Закончив, однако, льстивые речи, этот управляющий безотлагательно назначает одного или двух своих людей следить за этими самыми французами, которых он якобы счастлив видеть, а слуги и метрдотели в гостиницах, по всей вероятности, обязаны докладывать обо всех занятиях иностранцев, которые у них останавливаются. Однако это каждодневное наблюдение осуществляется тихо и совершенно незаметно. Работа полиции напоминает вращение шестеренок под эмалевым циферблатом часов; доподлинно известно, что шестеренки исправно крутятся, заключенные в круглый корпус; мы не видим их движений и порой можем даже подумать, что часы остановились, но в один роковой день они бьют, и господин, которого вы видели множество раз – он неторопливо прогуливался по Невскому проспекту или читал с серьезным видом газету в кафе Беранже – чрезвычайно вежливо попросит вас уехать в течение 24 часов в случае, если вы иностранец, а если вы российский подданный, то пригласит вас подняться в кибитку, что увезет вас за Урал, в Сибирь, которая, говорят, очень красива.